

СТРАСТИ ПО КАТЕРИНЕ

В сентябре 1860 года А. Н. Островскому была присуждена Уваровская премия за драму «Гроза». Решение комиссии по Уваровским премиям было вынесено на основании отзывов трех рецензентов: И. А. Гончарова, П. А. Плетнева и А. Д. Галахова. Галахов, в частности, писал, что в «Грозе» «действительность является именно такою, какова она на самом деле: в смешении нравственного и умственного безобразия с красотою души и сердца».

И. А. ГОНЧАРОВ

ОТЗЫВ О ДРАМЕ «ГРОЗА» ОСТРОВСКОГО

<...> Прежде всего она поражает смелостью создания плана: увлечение нервной страстной женщины и борьба с долгом, падение, раскаяние и тяжкое искупление вины — все это исполнено живейшего драматического интереса и ведено с необычайным искусством и знанием сердца.

<...> Не распространяясь далее в справедливых похвалах этому высокому, классическому произведению, в заключение долгом считаю присовокупить, что, по моему мнению, драма г. Островского... заслуживает премии, независимо от всех прочих достоинств, и потому, что в ней исчерпан и разработан богатый источник *русского современного народного быта*.

1860 г.

М. С. ЩЕПКИН — А. Д. ГАЛАХОВУ*<15 ноября 1860 г. В Москве>*

<...>

Всю свою жизнь я изучал драматическое искусство; руководствовался всеми великими творцами по этой части и выслушивал мнения современных мне мыслящих людей и даже начинал думать, что я кое-что смыслю, и это было для меня наградой за пятидесятилетний труд, потому что я теперь еще учусь. И что же? Представьте мое положение, на днях я убедился, что я совершенный невежда в этом деле или, скорее, человек отсталый. Я прочел в журнале «Искусство» отчет академии за выданную премию г. Островскому за «Грозу», определенную по вашему разбору, который меня удивил. <...> И зная, что вы не поставите мне в большой проступок то, что я не совсем согласен с вами в отношении моего искусства, и может быть, когда при встрече укажете мне на мои ошибки...

Вера ЮРЕНЕВА

ЗАПИСКИ АКТРИСЫ

<...>

В тот же богатый по работе сезон¹ осуществилась и вторая моя мечта: <вслед за Клеопатрой в трагедии Шекспира «Антоний и Клеопатра»> я сыграла Катерину в «Грозе» Островского.

Когда вчитываешься в текст «Грозы», кажется, что перед тобою партитура симфонического произведения. <...>.

Роль Катерины проходил со мной Е. П. Карпов. Прежде всего мы занялись звуковой стороной текста: Карпов требовал чистоты произношения каждого слова и правильной мелодии старинной русской речи, плавной и простой; он также строго следил

¹ 1923 год. Ленинградский академический театр драмы.

и за типичностью жеста, обрывая малейшую попытку к слишком резким поворотам. <...> Карпов отечески-бережно подвел меня ко всем кручам и безднам скорбной судьбы Катерины. Я полюбила ее глубоко и преданно за чистоту и горячее сердце, за трагическое бессилие, святость ее стремлений и мужественную смерть.

Название «Гроза» для меня соединялось не с представлением о раскатах грома и разящей молнии, которые так пугают Катерину, нет, мне казалось, что «гроза» — это сама Катерина, это стихия ее любви к Борису, это измена супружескому долгу и прогремевшая как гром над душным болотом, как очищающая воздух молния, правда ее покаяния...

1946 г.

Алиса КООНЕН

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

Глава XIV

<...>

Мысль о постановке «Грозы»¹ занимала Таирова давно. Но он медлил. Островский требовал какого-то нового подхода, серьезных поисков. Свою первую беседу с труппой о «Грозе» Александр Яковлевич начал с того, что посоветовал нам восстановить в памяти работу над «Федрой», когда удалось в классическую торжественность Расина вложить живые человеческие чувства, взволновать наших современников.

<...>

Трагический пафос пьесы Таиров видел в образе Катерины.

— Именно в нем, — говорил он, — и дает Островский столкновение двух начал: свободолюбия и домостроя. «Темное царство», быт и нравы города

¹ Московский Камерный театр. 1924 г.

Калинова играют здесь второстепенную роль. «Гроза» — это пьеса прежде всего о душевных муках и борьбе Катерины, о той грозе, которая разбивает крепко устоявшийся злой мир. Домострой — огромная властвующая сила, она не терпит протеста. Катерина — натура сильная, страстная, свободолюбивая. Она восстает против этой, казалось бы, несокрушимой силы. И гибнет. Но смерть Катерины, — говорил Таиров, — это не поражение, а победа. Домострой силен тогда, когда ему безмолвно подчиняются. Смерть Катерины вызывает трещину в вековом укладе дома Кабановых. Уходит Варвара, просыпается человек в забитом, безвольном Тихоне. С огромной внутренней силой бросает он обвинение в лицо матери: «Матушка, это вы ее убили! Вы, вы! Вы!»

Юрий ФРИДШТЕЙН

«ЧЕРНЫЙ ВОРОН, Я НЕ ТВОЙ...»

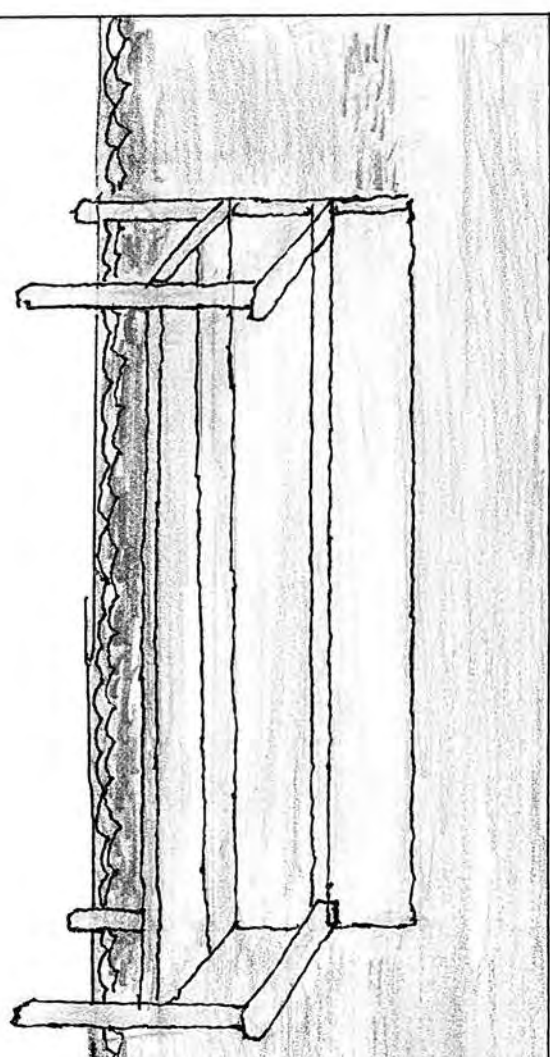
Вернувшись домой после спектакля Генриетты Яновской «Гроза», я открыл том Островского и перечитал со школы знакомую «хрестоматийную», но, как выяснилось, абсолютно мне неведомую, пьесу.

Откуда в спектакле ТЮЗа эта невероятная подспудная энергия, этот нерв, эта ошеломительная жизненная сила, это ощущение — сегодняшней, острой, невыносимой боли? Эта разлитая в воздухе сцены беспредельность страдания — каждого, это давящее, зловещее предчувствие, предощущение «грозы», той «бури», что поселилась в душах этих людей, и «потемок» этих душ, несчастных, искалеченных, исковерканных, до невозможности одиноких? Это ощущение «темного царства» — но вовне, но в глубинах подсознания, той темной, мрачной силы, что сводит их с ума, в какие-то моменты прорываясь наружу, становясь им неподвластной? Это ощущение неправильно устроенной жизни — каждым, жизни, каждому — непонятной, чуждой, враждебной? Это

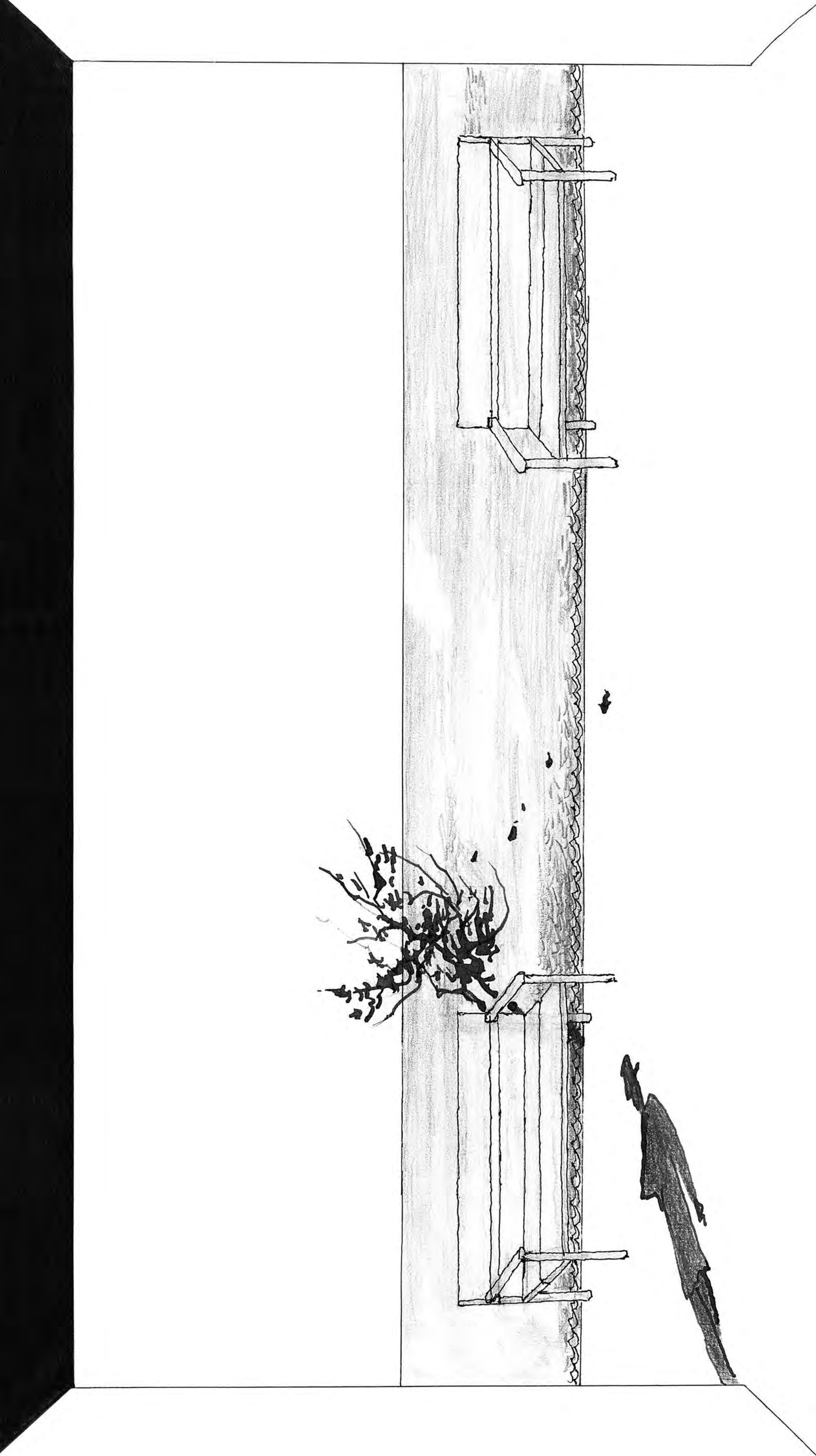
жуткое ощущение — почвы, уходящей у них из-под ног, и беспросветности настоящего, и страха перед будущим? Это сознание неволи — и тоска по свободе? Это чувство своей зависимости — рабской! — от людей, от обстоятельств, но, главное, — от чего-то еще, что невозможно определить словами, какой-то почти мистической силы, сводящей их с ума именно своей непознаваемостью, — при этом знании своей фатальной неспособности на бунт?

Эта «хрестоматийная» пьеса прочитана режиссером Яновской именно так: как история, где нет ни правых, ни виноватых, нет героев «положительных» и «отрицательных», где у каждого, без исключения, «в душе свой жанр есть». Ее актеры изумительно, наверное и осознанно, и отчасти интуитивно, уловили, почувствовали, поняли ее главную мысль — мысль о всеобщности страдания — отсюда те невероятные прозрения, что кажутся подчас просто ошеломительными: беспредельность отчаяния Тихона (Игорь Гордин), мучительная беспомощность Кабановой перед лицом трагедии, обрушившейся на ее семью и уничтожившей ее (эта роль — подлинное откровение Эры Зиганшиной), комплексы и смута Дикого (Владимир Сальников), безудержная, безоглядная страстность Варвары (Виктория Верберг), испуганность и измученность Кулигина (Игорь Ясулович), безволие и обреченная покорность Бориса (Максим Виторган), тихое безумие печального персонажа, придуманного Яновской и обозначенного как «приживал в доме Кабановой» (потрясающая работа Евгения Сармонта — без текста, только мимика, только движение, только актерская интуиция), зловещая загадочность странницы Феклуши (Ольга Демидова), притягательная странность служанки Глаши (Арина Нестерова). И, над всем этим, грандиозная просветленность Катерины (дебют Юлии Свежаковой), в чьей душе поселилась самая мощная смута, а страсти бушуют поистине испепеляющие (фрейдизм суще-

ствовал задолго до того, как его «изобрел» Фрейд) — единственной, кто решается на бунт — и на уход. Собственно — она предвидит его с самого начала, как, впрочем, и мы. Мы предвидим финал трагедии уже тогда, когда в безмолвном первом «кадре» спектакля персонажи, названные «люди грозы», пускают по воссозданной на сцене Волге (о том, как это сделано рассказывать не стану, ибо описывать чудеса Сергея Бархина — занятие заведомо неблагодарное) бумажные кораблики с зажженными свечами, — уже в финале по этим водам пройдет перед нами сама Катерина (неожиданная, быть может, вполне неслучайная ассоциация с шекспировской Офелией), и уйдет, скроется из глаз. «Черный ворон, я не твой...», — это не Катерина поет в спектакле, но в действительности, в словах старинной песни — ее произнесенный девиз, ее единственный ответ жизни, продолжать которую для нее и мучительно, и невозможно. И уйти — это единственный дарованный ей способ осуществить свою ей неподвластность.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА¹

Савел Прокофьевич Дикой,

купец, значительное лицо в городе.

Борис Григорьевич,

племянник его, молодой человек,
порядочно образованный.

Марфа Игнатьевна Кабанова (Кабаниха),

богатая купчиха, вдова.

Тихон Иваныч Кабанов,

ее сын.

Катерина,

жена его.

Варвара,

сестра Тихона.

Кулигин,

мещанин, часовщик-самоучка,
отыскивающий перпетуум-мобиле.

Ваня Кудряш,

молодой человек, конторщик Дикова.

Шапкин,

мещанин.

Феклуша,

странница.

Глаша,

девка в доме Кабановой.

¹ Все лица, кроме Бориса, одеты по-русски.
(Примеч. автора).

РАЗГОВОРЫ С КЛАССИКОМ НА РАВНЫХ

Нижеследующая подборка — следствие прогулок по просторам интернета. Нам показалось, что она в значительной степени опровергает некоторые устойчивые мифы, вселяя, напротив, определенный оптимизм.

В текстах исправлены только опечатки. Течение мысли и стиль — авторские.

ANDROID_FREE

18 апреля 2016

Что тут скажешь? Классика есть классика.

Что 150 лет назад была проблема «маменькиных сынков», что сейчас, к сожалению. По сути, вся трагедия этого произведения, лично для меня, заключается в том, что один «не мужик» просто не смог расставить приоритеты в своей семье, доказать матери, что он состоявшийся мужчина, а жене показать, что она с ним может никого и ничего не бояться. И уж тем более, не должен был позволять матери «гробить» свою жену. Вывод: двум разным поколениям нужно жить отдельно! Мужчинам, если ты таковым являешься, быть опорой и поддержкой жены!!! И создавать СВОЮ семью, а не держаться за мамину юбку. У таких, жены на сторону не смотрят в поисках взаимопонимания и ласки.

NATALIYAPOS

22 декабря 2011

Классическая тема: жена, безвольный муж и свекровь-деспот! Темнота и предрассудки провинциального городка. А так хочется большой и чистой любви вместо того, что называют браком. Да так ли уж плох брак без чувств? Измена и ложь лучше? По книге получается, да, ведь измена оправдана поиском вечной любви... Однозначно и не ответишь! Мне понравились «выпуклые»,

гротескные образы персонажей. Хотя все они — слабые люди, даже Катерина.

КИРИЛЛ

28 октября 2014

Если бы мое поколение (23 года) читало бы классику, распутных и безнравственных людей с хрупкой натурой было бы меньше.

ANDY

20 июля 2017

Я после прочтения, в который раз под впечатлением, хотя, казалось бы, сюжет из жизни, что 130 лет назад, что в наше время.

IPHK4N1XDQ

18 октября 2014

Невероятная драма, финал произведения приводит к буйству эмоций. Островский ярко изображает настоящую любовь, искреннюю и светлую, грубую бесчеловечность, образы героев предстают перед глазами, вырисовываясь во всех подробностях. Произведение буквально проходит через тебя во время прочтения!

ISKRA-LOVE

30 декабря 2016

Ах, моя любимая книга. Всем ее читать!) Никогда не забуду ни легкий слог, ни саму героиню, ее печаль, поэтичность, которая словно внутри души, легкую наивность. Почему, люди не летают, как птицы? Читаем мы и думаем... Сейчас мне кажется, что им не дает это тяжелая душа, а в самом детстве. В школе казалось, что просто нет крыльев... и так хотелось ощутить полет.

Литературно-художественное издание 12+

Александр
Островский
ГРОЗА

Художественный редактор

Т. Н. Костерина

Оператор компьютерной верстки
переплета и иллюстраций

В. М. Драновский

Оператор компьютерной верстки

Л. Г. Иванова

Технолог

М. С. Кырбаш

ООО «Центр книги Рудомино»

ул. Николаямская, д. 1, Москва, Россия, 109240

Отдел реализации издательства: (495) 915-31-00

e-mail: rudomino@libfl.ru

<http://www.facebook.com/CentreBook>

Допечатная подготовка ООО «Бослен»

(499) 270-09-59, (495) 971-89-09

<http://www.boslen.ru>; e-mail: info@boslen.ru

Подписано в печать 27.03.2023

Формат 70×100/16

Тираж 1000 экз.

Заказ № 179.

Отпечатано с файлов заказчика

в АО «Первая Образцовая типография»,

филиал «Ульяновский Дом печати»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14